

На правах рукописи

НАПОЛЬНОВА ЕЛЕНА МАРКОВНА

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ
СЕМАНТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.22 — Языки народов зарубежных стран Европы,
Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (турецкий язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2022

Работа выполнена на кафедре тюркской филологии Института стран Азии и Африки
Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты: **Каюмова Диана Фердинандовна,**
доктор филологических наук, профессор,
профессор Института филологии и межкультурной
коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»

Невская Ирина Анатольевна, доктор
филологических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт филологии Сибирского отделения
РАН

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна,
доктор филологических наук, профессор, член-
корреспондент Академии наук Республики
Башкортостан, научный руководитель ОСП
Институт истории, языка и литературы Уфимского
федерального исследовательского центра РАН

Ведущая организация: ОСП Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики
Татарстан

Защита состоится 28 июня 2022 г. в 12:00 на заседании диссертационного совета Д
002.006.02 при ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: 125009, Москва,
Большой Кисловский пер. 1 стр. 1, конференц-зал. С диссертацией можно
ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Института языкознания РАН.

Автореферат разослан « ___ » _____ г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

В.М. Карпов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено семантическим особенностям турецких лексем с пространственным и временным значением. Первоначальной причиной обращения к этой теме явились различия между семантикой и сочетаемостью эквивалентов ряда лексем в турецком и русском языках, выявленные в процессе выполнения переводов разной тематики, прежде всего технических, а также разработки методики преподавания русского языка турецким студентам, её практического опробирования и анализа типичных ошибок учащихся. На этом этапе наше внимание привлёк системный характер многих различий, которые возникают как следствие специфики способов структурирования окружающего пространства, выражения пространственных и временных отношений, наименования способов пространственного перемещения и пространственных позиций объектов разного типа. Причины языковых явлений такого рода могут быть прослежены в рамках современного подхода к изучению языка как средства коммуникации и обмена информацией и современного понимания задач лексической семантики, предполагающего определение норм синтаксической, семантической и лексической сочетаемости слов в высказывании, обеспечивающих его правильное построение и адекватное понимание. В применении к исследуемому материалу такой подход предполагает выявление лексических средств, составляющих языковую систему пространственной ориентации, описания пространственного положения и перемещения, а также временной привязки событий. Важнейшим фактором в ходе выполнения работы являлась возможность обсуждения всех положений диссертации с носителями турецкого языка (ТЯ) в языковой среде.

Актуальность исследования обусловлена следующими причинами. Системные лексико-семантические исследования ТЯ до настоящего времени не проводились, лексическая система ТЯ не анализировалась с точки зрения особенностей способов указания пространственной ориентации и временной соотнесённости событий. Лексика тюркских языков в целом подробно исследована со сравнительно-исторической точки зрения, однако до настоящего времени системно не изучались такие аспекты как семантические компоненты, дейктические особенности, сочетаемость, парадигматические связи лексем.

Неизученность лексической системы ТЯ обусловила то, что информация об особенностях семантики, сочетаемости и других условиях использования лексических единиц до настоящего времени редко и недостаточно полно учитывается в

типологических лексико-семантических исследованиях, не включается в качестве отдельного аспекта обучения в университетские курсы ТЯ, хотя безусловно должна являться их обязательной частью ввиду существенных отличий от русского как родного языка учащихся и сложности выявления межъязыковых несоответствий. Отсутствие специальных исследований указанной направленности и специализированных учебных курсов может приводить к коммуникативным ошибкам и зачастую является препятствием для осуществления адекватного перевода как специального вида языковой деятельности, а также разработки методов автоматизированного перевода на ТЯ.

Для семантического анализа в основной части диссертации выбраны группы лексем, связанные с выражением пространственных и временных отношений, а также глаголы, характеризующие пространственное перемещение и пространственное положение объектов разного типа. Все эти слова первостепенны с коммуникативной точки зрения, однако при изучении иностранного языка самостоятельно проследить особенности их употребления и избежать контаминации с родным языком крайне сложно.

Материалы исследования. Важной особенностью настоящего исследования является то, что наряду со словарями, письменными текстами, интернет-источниками и корпусом ТЯ значительная часть исследуемого материала была собрана автором непосредственно в языковой среде как пассивным путём наблюдения за устной речью носителей, так и в процессе устного и письменного речевого общения с ними.

Для определения значений лексем и обнаружения факторов, влияющих на их использование в современном языке, использовались следующие методы отбора материала:

- сбор и анализ примеров,
- опрос носителей,
- анкетирование,
- наблюдение,
- обсуждение примеров с носителями ТЯ.

Работа над исследуемой темой начиналась в тот период, когда доступные в настоящее время корпуса ТЯ находились в стадии разработки, и стремление к максимально полному сбору языкового материала заставило обращаться к интернету, который стал источником основной массы рассмотренных примеров. На стадии подготовки текста диссертации мы дополнили исследование примерами из корпуса турецкого языка (The Turkish Corpus), а также сравнивали обнаруженные нами

примеры использования лексем с представленными в корпусах, принципиальных отличий при этом обнаружить не удалось.

Источниками примеров из литературных произведений являются официальный сайт Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu), а также текст трёх романов, относящихся к двум разным периодам формирования ТЯ – «Мадонна в меховом мантио» (Sabahattin Ali «Kürk mantolu madona», 1943 г.) и «Дьявол внутри нас» (Sabahattin Ali «İçimizdeki şeytan», 1940 г.) Сабахаттина Али и «Чёрная книга» Орхана Памука (Orhan Pamuk «Kara kitap», 1990 г.). Отдельные сравнительные примеры взяты из переводов некоторых англоязычных произведений на ТЯ.

Значительная часть примеров получена из наблюдений на протяжении более чем 20 лет за живой речью носителей ТЯ в условиях реальной коммуникации в бытовых ситуациях в основном в крупных городах, а также в университетской среде, что позволило в некоторых случаях зафиксировать разные словоиспользования у разных возрастных и социальных групп носителей ТЯ.

При исследовании условий использования указательных местоимений, а также сочетаемости позиционных глаголов и глаголов перемещения в вертикальном направлении мы прибегали к методу анкетирования носителей ТЯ.

Все приводимые примеры отдельных турецких лексем, словосочетаний и предложений глоссируются, приводится их русский эквивалент, отмечается характер источника.

Отсутствие в отношении тюркских языков лексико-семантических исследований в современном широком понимании, которые касались бы системы пространственных и временных представлений, определили то, что **теоретической базой** нашего исследования послужили идеи, изложенные в трудах ряда ведущих российских и западных лингвистов, представляющих разные направления языковедения. Наряду с общетеоретическими работами В.Гумбольдта, Б.Уорфа, А.А.Потебни, Ю.С. Степанова, А.Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, В.Г. Костомарова и др. это монографии, системно рассматривающие различные фрагменты национальных языковых КМ – «Фрагменты языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия)» Е.С.Яковлевой, «Модель мира и её лингвистические основы» и Лингвистические основы балканской модели мира» Т.В.Цивьян, «Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность» Тань Аошуан, а также работы, обобщающие данные разных языков и содержащие сопоставительный материал. В отношении глаголов перемещения и глаголов позиции это были прежде всего работы Е.В. Рахилиной; в отношении глаголов пространственной позиции разнообразный сравнительный и

теоретический материал содержится в коллективной монографии под редакцией Дж. Ньюмана (Newman J.) “The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying”; в отношении различий в культурно-языковых временных представлениях – монография О.А.Корнилова «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов». Многие темы настоящего исследования перекликаются с вопросами, рассматриваемыми в рамках когнитивной лингвистики в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Н. Болдырева, В.Г. Гака, Е.С. Кубряковой, В.Н.Топорова и др., в отношении этнолингвистики – в работах Н.В. Уфимцевой. В отношении способов описания семантической многозначности и семантических переходов, выявления системных связей между словами словами и, в особенности, значения «пространства говорящего» при характеристике дейксиса определяющее значение имели идеи Ю.Д. Апресяна.

Структура диссертации обуславливает то, что теоретические положения, важные для каждой из рассматриваемых лексических групп, излагаются в начале соответствующей главы.

Современная парадигма лингвистики рассматривает язык как системное структурное образование и нацелена на понимание его возможностей. Отличительными чертами этой парадигмы являются антропоцентризм, т.е. ориентация на изучение роли человеческого фактора в языке и языка как фактора, конституирующего человека, а также интегральный подход. При этом предпочтительным признаётся такое описание языковых единиц, которое учитывало бы и их содержание и их форму. Руководствуясь указанными принципами, мы постарались свести воедино максимально подробную информацию о каждой из лексем, включая этимологию, морфологию, синтаксические свойства, сочетаемость, прямые и переносные значения и пути их развития, коннотации, парадигматику, а также экстралингвистическую информацию.

Исходя из антропоцентрического подхода разные по методике, целям и средствам лингвистические исследования объединяются использованием понятий картины мира (КМ), наивной КМ или языковой КМ как национально-специфического способа языкового представления знаний о мире, обеспечивающего выполнение языком познавательной и коммуникативной функций. Введение понятия КМ, несмотря на расхождения в его понимании, позволяет систематизировать языковой материал с определённой направленностью. В ходе анализа лексического материала современного ТЯ мы использовали сведения о выявленных особенностях мировосприятия древних тюрков и сделали некоторые собственные предположения в этом отношении, однако при этом избегали использования термина КМ в связи с ТЯ по следующей причине.

Формирование наивных КМ разных народов относится к самым ранним этапам их развития. К древнему периоду восходит абсолютное большинство рассматриваемых нами лексем, связанных с характеристикой окружающего пространства, пространственного перемещения, пространственной ориентации и временной соотнесённостью событий, на основе которых можно сделать некоторые предположения о древних наивных представлениях о мироустройстве, однако для восстановления древней языковой КМ безусловно необходимы дальнейшие сопоставительные исследования тюркских языков как продолжение этимологических исследований. Между тем развитие лексической системы конкретно современного ТЯ связано с разными по времени, степени системности и концептуальности иноязычными заимствованиями и неологизмами, которые неправомерно было бы рассматривать как элементы КМ, имея в виду наивный характер последней. На протяжении истории ТЯ наблюдаются изменения в именовании некоторых объективных явлений окружающего мира и особенностей социальной среды, в основе чего должно было лежать изменение в понимании сущности соответствующих объектов, их роли в основном способе производства и культурной парадигме. По этой причине в наше исследование включены различные пласты лексики. Прежде всего это исконно тюркские лексические средства, на протяжении длительного исторического периода обеспечивавшие ориентирование носителей языка в жизненном пространстве и во времени, не заимствованные и не сформировавшиеся под влиянием современных научных взглядов и результатов технического прогресса. Исходной точкой для исследования их семантики является этимология, часто помогающая понять пути развития полисемии и коннотаций. Характер и специфика неологизмов и иноязычных лексических заимствований, также используемых в современном ТЯ для указания позиции и характеристике перемещения объектов в пространстве и соотнесённости событий и явлений во времени, также рассматриваются в исследовании с целью показать эволюцию соответствующих языковлённых представлений.

Объектом настоящего исследования являются письменные и устные высказывания на современном ТЯ, характеризующие пространственное положение, направление и способ осуществления перемещения объектов, а также временную соотнесённость и продолжительность событий.

Предметом исследования являются семантические особенности лексем ТЯ с пространственным и временным значением. Семантика понимается в широком смысле как вся совокупность информации, необходимой для правильного построения и адекватного понимания высказывания на ТЯ.

Целью исследования является выявление системных связей между семантикой лексем с пространственным и временным значением, принадлежащих к отдельным группам, направлений развития их семантики, а также определение специфики способов выражения пространственных и временных отношений в современном ТЯ.

Для достижения названной цели решается ряд **задач**:

- провести анализ совокупности значений лексем современного ТЯ, используемых для характеристики пространственного положения, направления и способа пространственного перемещения объектов и временной привязки событий с учётом как языковой, так и экстралингвистической информации;
- определить их лексическую сочетаемость с разными видами субъектов,
- определить особенности их синтаксических связей,
- установить пути формирования их вторичных значений и коннотаций;
- охарактеризовать их парадигматические отношения.

Методы исследования

В диссертации используются описательный, исторический, контекстологический, сопоставительный, количественный и экспериментальный методы, а также корпусный анализ.

За основу анализа современных турецких лексем принимались их значения, указанные в «Словаре современного турецкого языка» на официальном сайте Турецкого лингвистического общества. Семантика и особенности использования некоторых лексем требовали привлечения данных более ранних словарей ТЯ.

Первым шагом непосредственно в исследовании лексем было определение их этимологии и значений родственных лексем в других тюркских языках. Источником необходимых для этого сведений явились семитомный «Этимологический словарь тюркских языков» и сравнительно-исторические исследования – третий том «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» – «Лексика», «Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка», Дыбо А.В. «Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков». Особенности путей формирования лексического состава современного ТЯ в ряде случаев требовали привлечения данных иранских и арабского языков.

При том, что каждая из рассматриваемых групп лексем обладает существенной спецификой, общий ход исследования можно охарактеризовать как состоящий из следующих шагов:

- выбор толкового словаря языка, который будет лежать в основе исследования и сравнения,

- выбор других (толковых и переводных) словарей для сравнения с основным,
- определение группы лексем для рассмотрения,
- для каждой лексемы:
 - установление этимологии лексемы;
 - отбор примеров с использованием корпуса языка, словарей, текстов в интернет-источниках, устной речи носителей;
 - определение лексической сочетаемости;
 - определение особенностей синтаксических связей лексемы;
 - при необходимости – анкетирование или опрос носителей языка с целью уточнения лексической сочетаемости и особенностей синтаксических связей;
 - определение парадигматических связей лексемы;
 - определение культурно-специфических особенностей объекта номинации;
 - определение возможных коннотаций, стилистических особенностей лексемы;
 - выявление необъяснимых фактов использования лексем;
- выявление системных особенностей внутри группы лексем.

Научная новизна настоящего диссертационного исследования состоит в том, что в нём впервые проводится системный анализ значений, сочетаемости, особенностей синтаксических связей и парадигматических отношений лексем ТЯ с пространственным и временным значением с учётом лингвистических и экстралингвистических факторов (до настоящего времени такого рода анализ не проводился ни для одной из лексических групп ТЯ), что создаёт возможности для включения адекватных языковых данных в типологические труды по лексической семантике, а также для дальнейшей реконструкции фрагментов тюркской наивной картины мира.

Практическое значение исследования состоит в том, что полученные результаты должны использоваться в ходе преподавания ТЯ и в особенности при подготовке специалистов-переводчиков, так как в совокупности со знанием грамматики и морфологии обеспечивают правильное построение и адекватное понимание высказываний на ТЯ, а также могут быть применены при разработке автоматических систем перевода.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в докладах на научных конференциях различных уровней: 5-й Международный конгресс по преподаванию турецкого языка как иностранного (V. Uluslararası Yabancı Dil Olarak Türkçe Öğretim Kongresi) Афины 26-29.06.2019, Дмитровские чтения (ИСАА МГУ, 2015, 2016, 2017, 2020), Ломоносовские чтения. Востоковедение (МГУ, 2016),

International Conferences on Language and Literature in Education and Research (CLEaR) (Slovakia, 2014), Научно-практическая конференция «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии», (Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2012), XII Международный конгресс МАПРЯЛ (Шанхай, 2011), Русский мир и русское слово в межкультурном пространстве (Университет Фатих, Стамбул, 2011), International Congress of Comparative Literature and The Teaching of Literature and Language (Ankara, 2009), II. Uluslararası Türk Dili ve Türk Halk Edebiyatı Sempozyumu (Международный симпозиум по тюркским языкам и тюркской народной литературе, университет Yakın Doğu, Кипр 2009).

По теме диссертации опубликовано 37 статей, докладов и тезисов докладов, в том числе 18 статей – в рецензируемых научных журналах ВАК. Часть статей и монография «Rusça ve Türkçe: iki dil, iki kültür» (Русский и турецкий: два языка, две культуры) основаны на сопоставительном языковом материале и связаны с методикой преподавания русского языка в турецкой аудитории.

Структура диссертации. Диссертация включает в себя введение, четыре главы, заключение, список сокращений, список глоссов, список использованной литературы и два приложения.

В Приложении 1. «Элементы языковой модели мира» рассматриваются лексемы, именующие основные составляющие окружающего мира (*yer* ‘земля’, *hava* ‘воздух’), исторические изменения в их использовании и пути формирования отдельных значений; обосновывается особое культурно-языковое значение земли как естественного основания, на котором осуществляется жизнедеятельность человека, а также отражение в языке наивных представлений о пространстве.

В Приложении 2. «Человек в биологическом и социально-культурном пространстве» рассматриваются языковые средства структуризации окружающего биологического и социального пространства, включая средства современной национальной самоидентификации, которые, аналогично средствам структурирования физического пространства, демонстрируют чёткую систему позиционирования человека относительно окружающих.

Библиография насчитывает 341 наименование.

На защиту выносятся следующие положения.

В значениях турецких лексем, связанных с выражением пространственных и временных отношений между объектами и явлениями в окружающем мире, обнаруживается ряд системно значимых компонентов.

1. Прежде всего это наличие **наличие детальной системы членения окружающего физического пространства**, в котором за счёт использования разных групп лексем как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях выделяются ближайшая к ориентиру и отдалённая часть пространства, а также имеются лексические средства обозначения «личного пространства человека».

2. В семантике турецких лексем, используемых для указания на пространственное положение и направление пространственного перемещения объектов разного типа, выделяется ряд особенностей, указывающих на **антропоцентричность** их языковой оценки, в основе которой лежит их сопоставление с физическими и интеллектуальными особенностями человека.

3. При характеристике объектов и явлений окружающего мира в ТЯ особую роль играет **оценка их динамичности и способности совершать направленное пространственное перемещение**, которая выражается в способах описания как динамического, так и статического положения объектов, морфологическом составе лексем с пространственным значением, а также в положительной метафорической оценке движения вперёд.

4. В семантике лексем ТЯ с пространственным значением отражена **особая роль горизонтального направления и земли** как несущей поверхности, на которой осуществляется жизнедеятельность людей, что выражается в большем разнообразии средств ориентации в горизонтальном направлении, чем в вертикальном, а также особенностях использования глаголов пространственного перемещения и наречий, характеризующих степень удалённости объектов от ориентира. Земля как «нулевой уровень» является точкой отсчёта для характеристики вертикальных размеров объектов. Меньшее значение вертикального направления для жизнедеятельности людей находит языковое выражение в семантике глаголов вертикального пространственного перемещения, отсутствии строгих правил их сочетаемости и сложности их парадигматических отношений.

5. Наряду с отмеченной для ряда языков **взаимобратимостью пространственных и временных представлений** в ТЯ проявляется их **противопоставленность**.

6. Семантика присутствующих в современном ТЯ тюркских лексем и заимствований отражает **разные стадии развития представлений об окружающем пространстве и течении времени.**

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** излагается современное понимание сущности и задач лексической семантики, характеризуются основные принципы настоящего исследования и рассматриваются лингвистические исследования, материалы которых использовались в качестве теоретической основы или сравнительного материала.

В **Главе 1** «Языковые средства пространственной ориентации» рассматривается семантика лексических средств пространственной ориентации в составе трёх групп:

1. горизонтальное направление – *ön* ‘перед’, *arka* ‘зад’, *sol* ‘лево’, *sağ* ‘право’, *yan* ‘бок’, *art* ‘зад’, *yön* ‘сторона, направление’, *öte* ‘место, находящееся в стороне, по другую сторону от чего-л.’, *ileri* ‘вперёд’, *geri* ‘назад’, *taraf* ‘сторона’;
2. вертикальное направление – *üst* ‘верх’, *üzeri* ‘верх’, *yukarı* ‘верх’, *alt* ‘низ’, *aşağı* ‘низ’;
3. указательные местоимения – *bu* ‘этот’, *şu* ‘этот/тот (?)’, *o* ‘тот’.

Отсутствие формальных различий между частями речи в ТЯ обуславливает то, что лексемы из первой и второй групп могут использоваться как самостоятельные слова (существительные, прилагательные, наречия) в различных синтаксических функциях, а также как вспомогательные слова, именуемые послелогоми или именами-послелогоми, которые присоединяют посессивные и падежные показатели и выступают в качестве определяемого в изафетных конструкциях. Указательные местоимения также используются как самостоятельно, так и в качестве определений.

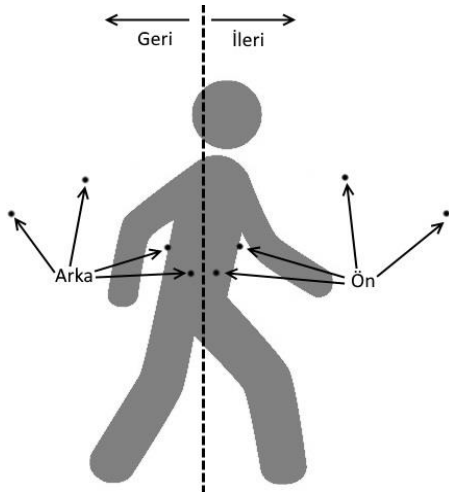

Рис.1

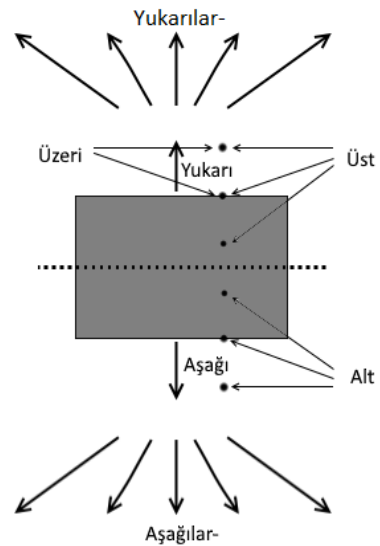

Рис.2

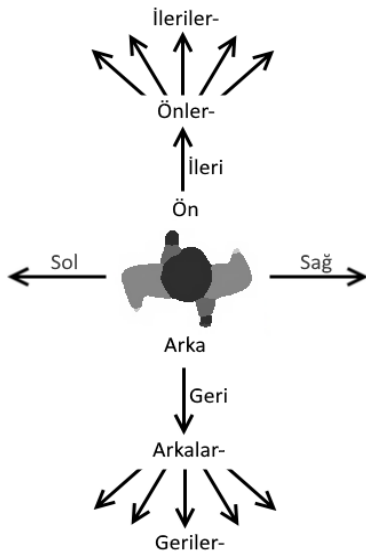

Рис.3

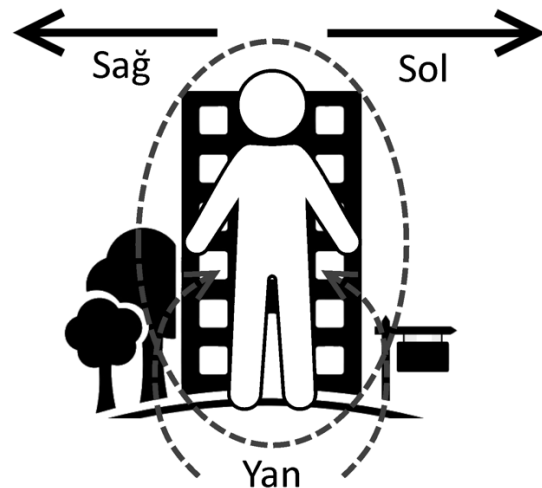

Рис.4

Семантика лексем, используемых для пространственного ориентирования в ТЯ, позволяет выделить следующие характерные особенности такой системы ориентирования.

1. Система ориентирования, представленная в ТЯ, тесно связана с представлением о возможном направлении перемещения объекта, и в ней выделяются ближняя к ориентиру и удалённая зоны. Для лексем ближней зоны характерно использование с посессивными показателями, лексемы дальней зоны – без них.

2. В горизонтальной плоскости ближайшую к ориентиру и противопоставленную отдалённой части окружающего пространства зону характеризуют лексемы, обозначающие соответствующие части тела человека – *ön* ‘перед’, *arka* ‘зад’, *sağ* ‘право’, *sol* ‘лево’, *yan* ‘бок’. Они обозначают соответствующую часть ориентира, его поверхность и сопряжённую часть пространства (рис.1, 3). Лексема *yan* соотносится с расположенной по бокам от ориентира контактной зоной (рис.4).

3. Лексемы, используемые для ориентации в вертикальной плоскости – *alt* ‘низ’, *üst* ‘верх’, *üzeri* ‘верх’, *aşağı* ‘низ’, *yukarı* ‘верх’ – не антропоцентричны.

4. Лексемы, указывающие на положение объекта в ближайшей к ориентиру зоне в вертикальной плоскости (*alt* ‘низ’, *üst* ‘верх’, *üzeri* ‘верх’) обозначают соответствующую часть ориентира, его поверхность и сопряжённую часть пространства и индифферентны к наличию или отсутствию контакта с ориентиром (рис.2).

5. Лексемы, указывающие на положение объекта в удалённой от ориентира зоне в горизонтальной (*ileri* ‘перед’, *geri* ‘зад’) и вертикальной плоскостях (*yukarı* ‘верх’, *aşağı* ‘низ’), не антропоцентричны и имеют в своём составе древний показатель направленности, придающий значение динамичности.

6. Возможность использования лексем фронтальной и вертикальной осей (*ileri-ler-*, *geri-ler-*, *ön-ler-*, *arka-lar-*, *yukarı-lar-*, *aşağı-lar-*) с показателем мн. числа отражает неопределённость возможного положения объекта при пространственном перемещении (рис.2, 3).

7. Лексема *öte* ‘место, находящееся в стороне, по другую сторону от чего-л.’ соотносится с отдалённой частью пространства, но никак не связана с возможным направлением перемещения объекта.

8. Для указания на направление перемещения в горизонтальной плоскости в ТЯ имеется специальная лексема *yön* ‘сторона, направление’.

9. В противоположность системе пространственного ориентирования с использованием тюркских лексем, в соответствии с которой каждая из сторон именуется отдельно и не имеется обобщающей лексемы, применимой как для любой из сторон, так и для близлежащих и удалённых объектов, заимствованная лексема *taraf* ‘сторона’, соотносимая с любой из сторон, с любым направлением вне зависимости от степени удалённости объекта от ориентира, может быть названа «надсистемной».

Указательные местоимения. В основе дейктических систем лежит противопоставление «я – не я», составляющее универсальную оппозицию ближнего и

дальнего дейксиса. При дейктической характеристике положения объектов важно не только присутствие говорящего, но и его представление о том, каково положение и размеры пространства, которое он себе «присваивает» – «пространства говорящего».

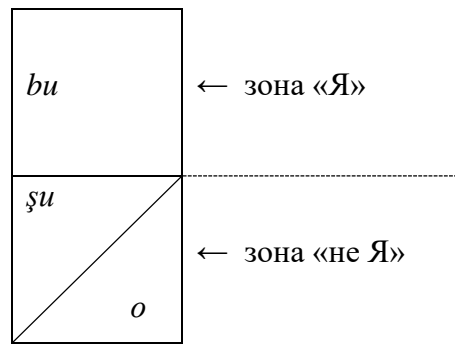
В ТЯ имеется три указательных местоимения – *bi* ‘этот’ – *ʒu* (?) – *o* ‘тот’. *O* является также стандартным местоимением 3 л. ед.ч. вне зависимости от пола и одушевлённости-неодушевлённости. Все три местоимения могут сопровождаться жестами, наибольшая необходимость в этом ощущается у *ʒu*.

В отношении разноудалённых, достижимых объектов функция *bi* – *ʒu* – *o* может заключаться в характеристике степени их удалённости от говорящего: *bi bina* ‘это здание’ (о здании, находящемся непосредственно рядом с участниками диалога), *ʒu bina* (об отстоящем здании), *o bina* ‘то здание’ (о наиболее удалённом здании). В случае «макроситуации» (например, о летящих самолётах) и «микроситуации» (например, о мелких объектах в витрине), оппозиция по дальности фактически снимается.

Bi соотносится только с объектами, расположенными в зоне видимости, а объекты за спиной говорящего могут характеризоваться с помощью *ʒu* и *o*. Для *ʒu* обязательно наличие диалога, в котором *ʒu* инициирует ответную реплику собеседника и исключается в ответах на вопрос. *ʒu* может использоваться не только в отношении отстоящего объекта (в сопровождении указывающего жеста), но и в отношении объекта, находящегося в руках говорящего или на нём, и при этом сопровождаться жестом, при котором говорящий, держа объект рукой, протягивает по направлению к собеседнику, т.е. практически удаляет из собственного пространства. В противоположность этому *bi* в отношении находящегося в руках говорящего или на нём объекта будет сопровождаться притягивающим жестом и таким образом указывает на позитивную оценку объекта и как бы подтверждает его принадлежности говорящему. Наблюдения за языковым поведением носителей ТЯ и их анкетирование позволяют сделать следующие выводы:

- 1) местоимение *bi* указывает на расположение объекта в «пространстве говорящего» и в поле его зрения;
- 2) местоимение *ʒu* указывает на расположение объекта вне «пространства говорящего» и, как правило, на относительную близость объекта к говорящему;
- 3) местоимение *o* указывает на расположение объекта вне «пространства говорящего» и на относительную удалённость объекта от говорящего или на расположение его в «пространстве собеседника».

Сферы значений указательных местоимений можно изобразить следующим образом:

Таким образом, тройная оппозиция указательных местоимений служит актуальному членению окружающего говорящего пространства и выделению в нём «зоны говорящего», расположенной в поле его зрения и в зоне достижимости рукой. Объекты же, расположенные вне «зоны говорящего», в дейктической ситуации могут подразделяться на более близкие и более удалённые от него. Указательное местоимение *zi* позволяет говорящему «отторгать» от себя объекты, находящиеся в ближайшей к нему сфере.

В **Главе 2** «Пространственное перемещение» рассматривается семантика глаголов трёх групп – «глаголы направления перемещения», «глаголы способа перемещения» и «глаголы вертикального перемещения» – в таких аспектах как выражение направления и/или способа перемещения, способы выражения пространственной направленности перемещения, дейктические особенности, сочетаемость с названиями разных типов объектов, пути развития семантики лексем, позволяющие понять культурную значимость пространственного перемещения.

Пространственное перемещение является видом движения, при котором объект на протяжении некоего временного отрезка последовательно меняет своё положение в пространстве. Вследствие разнородности визуально фиксируемых особенностей способа, траектории, направления, скорости, агентов и других характеристик пространственного перемещения, как и движения в целом, они являются сложными для понимания явлениями, и языки выработали способы их описания, исходя из того, какие «составляющие» были важны для коммуникации между членами языкового коллектива в определённой среде обитания и в условиях определённого способа производства, в результате чего отдельные глаголы отражали ту или иную характеристику перемещения, оставляя без внимания другие. Это привело к большим семантическим и сочетаемым различиям между глаголами перемещения в разных языках.

В ТЯ при описании пространственного перемещения, совершаемого традиционными способами, большее значение имеет указание на направление, а не на

способ перемещения объекта: в случае совместного использования в предложении глаголы направления перемещения передают основную, а глаголы способа перемещения в форме деепричастия – дополнительную информацию.

Глаголы направления перемещения *git-* ‘идти, ехать’, ‘уходить, уезжать’ и *gel-* ‘приходить, приезжать’ не указывают на способ перемещения и при дейктическом использовании, как это отмечалось и в отношении других языков, не симметричны: *gel-* указывает на перемещение по направлению к говорящему или вместе с ним, а *git-* – на перемещение объекта в направлении от говорящего или на не затрагивающее его перемещение. Кроме того, *git-* соотносится только с направленным движением в горизонтальной плоскости, а *gel-* указывает на сознательный характер выполняемого пространственного перемещения или присутствие человека в качестве реципиента действия. *Gel-* используется с аблативом и дативом, *git-* – с аблативом, дативом, локативом и аккузативом. Оба глагола являются ориентированными на точку или цель перемещения. Глагол *geç-* ‘проходить, проезжать’, ‘переходить, переезжать’ не является дейктическим, не целе-ориентирован, не различает подвижные и неподвижные ориентиры. Только в случае с *geç-* падежная форма дополнения, обозначающего преодолеваемый ориентир, указывает на рутинный (аблатив-транслатив) или экстремальный (аккузатив) характер совершаемого действия.

Использование только двух глаголов направления перемещения – *geç-* и *gel-* – с названиями временных интервалов связано с особенностями временных представлений.

Глаголы способа перемещения *yürü-* ‘шагать’, *koş-* ‘бегать’, *uç-* ‘летать’, *sürüklen-* ‘ползать на животе’, *emekle-* ‘ползать на коленях, ягодицах’, *yüz-* ‘плавать’ характеризуют способ движения конечностей объекта и его контакта с опорой/средой, имеют ограничения в сочетаемости с типами объектов и представляют перемещение как процесс. Только *yürü-* грамматикализован. Необходимость описания новых с технической или социальной точки зрения объектов приводит к расширению семантики *yürü-* и *kalk-*, при чём изменения первоначально фиксируются в отглагольных именах, а затем распространяются на финитную форму.

Для описания подъёма и перемещения птиц и летающих насекомых используется глагол *uç-*, а их перехода от динамического к статическому положению – специальный глагол *kon-* ‘садиться (о птицах, насекомых)’.

ТЯ не выработал точных критериев сочетаемости глаголов перемещения в вертикальном направлении. На выбор глагола могут оказывать влияние характер перемещаемого объекта, амплитуда действия, особенности архаической модели

мира, современные научные представления об окружающем мире, также происходит калькирование выражений из иностранных языков. Эти глаголы связаны сложной системой парадигматических отношений. Значение перемещения в вертикальном направлении для некоторых глаголов этой группы является вторичным – *çik-* ‘покидать замкнутое пространство’ → ‘подниматься вверх’, *kalk-* ‘вставать (о человеке и животных)’ (см. рис. 6) → ‘подниматься вверх’. Глагол *havalan-* ‘подниматься в воздух’ (от ар. *hava* ‘воздух’) мотивирован названием среды, в которой осуществляется перемещение. Для *yüksel-* ‘подниматься вверх’ референтной точкой является уровень земли. Для описания движения вниз (*in-* ‘опускаться’, *dbc-* ‘падать’, *zük-* ‘оседать’, *dal-* ‘нырять’) вниз важны такие факторы как произвольность/непроизвольность и сохранение/нарушение структуры перемещающегося объекта.

В Главе 3 «Позиционные глаголы и другие средства выражения статической позиции» рассматриваются особенности описания статической позиции разных типов объектов. Исследования показывают, что в большинстве языков средствами описания позиции человека – «стояния», «сидения» и «лежания» – являются специальные глаголы, количество, состав и семантические особенности которых могут существенно варьироваться от языка к языку. Основные позиции человека отличаются друг от друга не только пространственной ориентированностью тела, но и по другим параметрам. Вертикальная позиция обеспечивает человеку возможность применить максимальную физическую силу, необходимую для физического труда, а также максимальный обзор. Полувертикальная позиция подходит для занятий разными видами деятельности, выполнение которых требует длительной концентрации внимания и точных действий рук, а также создаёт условия для отдыха. Горизонтальная позиция даёт возможность максимально расслабиться и используется в основном для отдыха и сна. Такого рода взаимосвязь между пространственным положением тела человека и родом его занятий привела в разных языках к развитию полисемии глаголов позиции, в результате чего за ними закрепились вторичные значения, часть из которых демонстрирует достаточную близость в разных языках, а другая часть культурно-специфична. Статическим позиционным глаголам обычно соответствуют динамические – ‘приводить своё тело в то или иное положение’, а также каузативные – ‘приводить объект в то или иное положение’. Те и другие могут быть связаны между собой семантически, этимологически или морфологически, а в некоторых языках один глагол может совмещать два значения – например, динамическое и статическое. Характерной особенностью глаголов позиции является также их грамматикализация и

использование в функции вспомогательных модифицирующих глаголов – обычно со значениями повторяемости, привычности и продолжительности действия.

В ТЯ для характеристики основных позиций человека используются глаголы *dur-*, *yat-* и *otur-*, каждый из которых имеет как статическое, так и динамическое значения, а каузация выражается регулярно с помощью показателей понудительного залога, присоединяемых к перечисленным корням. Сочетаемость с другими типами объектов демонстрирует значительную специфику.

Dur- ‘стоять’, ‘останавливаться’ указывает на неподвижность или переход к неподвижному состоянию объектов, способных самостоятельно или принудительно осуществлять пространственное перемещение или появляться и исчезать в течение обозримого временного отрезка. Это исключает использование *dur-* с названиями крупных естественных объектов (горы, лес и др.). В отношении протяжённых пространственных объектов (реки, дороги и др.), которые невозможно охватить взглядом с одной точки, используется не статическая, а динамическая модель («проходить», «протягиваться»). В отношении крупных искусственных объектов, способных появляться и исчезать на глазах человека (здания, сооружения), а также деревьев *dur-* указывает на их сохранность, пребывание на прежнем месте. При описании статического положения животных предпочтительны перфектные формы глаголов движения («Кошка залезла на шкаф» вместо «Кошка сидит на шкафу»), а *dur-* возможно главным образом в том случае, если подчёркивается их статичность, обусловленная определённой причиной («стоит и не уходит»). В отношении птиц и летающих насекомых используется глагол *kon-* ‘садиться (на ветку, стену и др.)’. Основными типами объектов, сочетающихся с *dur-*, являются человек и движимые им неодушевлённые объекты (предметы обихода, одежды, транспортные средства и др.). *Dur-* может использоваться в отношении стоящего, сидящего и лежащего человека и не учитывает пространственную ориентацию объектов и характер их опоры, которые могут при необходимости уточняться грамматически, контекстуально или лексически, например: *ayakta dur-* букв. ‘на ногах стоять’, *dik dur-* букв. ‘вертикально стоять’, *yatau dur-* букв. ‘горизонтально стоять’ и *yerde dur-* букв. ‘на земле стоять’ → ‘лежать’ (о неодуш.), *yan dur-* букв. ‘боком стоять’, *asılı dur-* букв. ‘подвешенным стоять’ и др.

В динамическом значении *dur-* ‘останавливаться, прекращать движение, бездействовать’ указывает только на прерывание перемещения или действия, работы, но не на переход к вертикальному положению.

Dur- в сочетании с деепричастием на *-a* или *-ip* основного глагола используется в качестве модифицирующего глагола со значением длительности. В результате

грамматикализации *dur-* образовался показатель изъявительной модальности 3 л. *-dir*, в ТЯ утративший взаимосвязь непосредственно с 3 л. и приобретший ряд специфических функций: формальный маркер официально-письменной речи при сказуемом; показатель модальности уверенного предположения (*Burada eczane var-dir* букв. 'Тут аптека иметься-должна'); указание на длительность продолжающегося в момент речи действия, выраженного глаголом в форме настоящего времени на *-yor* (*üç yıl-dir* букв. 'три года-уже').

Yat- 'лежать', 'ложиться' характеризует горизонтальное положение или переход к горизонтальному положению человека и животных-антропоидов, которое может уточняться лексически; в отношении птиц не используется. Действительная пространственная ориентация неодушевлённых объектов с помощью статического *yat-* 'лежать' не характеризуется. Для описания крупных, занимающих значительную площадь природных объектов *yat-* можно редко встретить в метафорическом значении в основном в переводных текстах. *Yat-* используется для описания сознательного перехода человека ко сну как к длительному ночному отдыху. Для описания перехода к краткому пребыванию в горизонтальном положении предпочтительно *uzan-* 'вытянуться' → 'прилечь'. Лексическая сочетаемость динамического *yat-* 'ложиться' и каузативного *yatır-* 'класть' шире, чем у *yat-*: они более свободно используются с наименованиями неодушевлённых объектов, описывая их пригибание или изменение пространственного положения с вертикального на горизонтальное.

Статическое *yat-* в сочетании с разными типами объектов во вторичном непространственном значении указывает не только на длительность, но и временную ограниченность нефункционального состояния с ожиданием, предположением или желанием последующего возвращения к активному/нормальному образу жизни («пролёживать»). Естественное расположение лежащих объектов на уровне земли позволили *yat-* указывать на создание базиса для чего-л. («лежать в основе чего-л.»).

Otur- 'сидеть', 'садиться', в отличие от *dur-* и *yat-*, является производным глаголом (от тюрк. ол- 'сидеть'). Сидение является самой культурно-специфической из трёх стандартных позиций человека, так как значительная часть действий, выполняемых сидя, связана с традициями и бытовыми привычками разных народов. Благодаря представлению о фиксированности сидячего положения человека статическое сидение в ТЯ, как и в некоторых других языках, интерпретируется как пребывание на ограниченном по площади месте или в помещении, откуда происходит значение *otur-* 'жить, проживать в доме, в квартире, по адресу и т.п.'. Представление о пассивности «сидения» препятствует использованию статического *otur-* для указания

на осуществление какой-либо деятельности в сидячем положении («сидеть за уроками»). Сидение ассоциируется с межличностным общением в культурно-специфической форме – как непродолжительных посещений знакомых.

Особенностью семантики *otur-* в динамическом значении является направленность совершаемого движения сверху вниз – т.е. фактически это ‘опускаться’ (антоним *kalk-* ‘вставать, подниматься’). Это препятствует использованию *otur-* для описания посадки на лошадь и, как следствие, транспортные средства (*bin-* ‘садиться на лошадь, в транспортные средства’). В результате метафоризации динамического значения *otur-* приобрёл значение занимания объектом некоей позиции и его точного соответствия этой позиции.

Из животных *otur-* возможно в отношении антропоидов или с целью подчеркнуть сходство их позиции с человеческой. В динамическом значении и в каузативной форме лексическая сочетаемость расширяется.

Если говорить в целом о способах языкового описания пространственного положения тела человека в ТЯ, то прослеживается следующая стратегия.

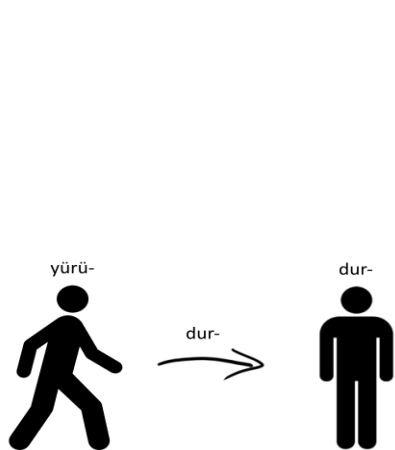

Рис.5

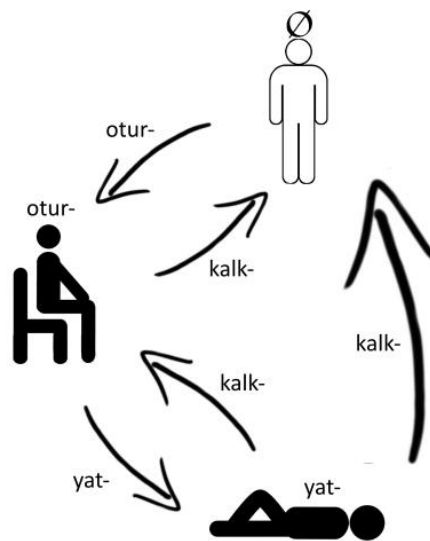

Рис.6

В ТЯ не имеется трёхчленной оппозиции позиционных глаголов, отражающих три основные пространственные позиции человека, и присутствуют только два собственно позиционных глагола – для обозначения полувертикальной и горизонтальной позиций человека (рис.6).

Отсутствие в ТЯ специального глагола для обозначения вертикального пространственного положения человека связано с тем, что при переходе от

перемещения к неподвижному состоянию пространственное положение тела человека не изменяется, а длительное неподвижное пребывание в вертикальном положении для человека не характерно. Глагол *dur-* фиксирует именно факт отсутствия или прерывания движения/ работы, в том числе за счёт сочетаемости только с локативом – в отличие от *otur-* и *yat-*, сочетающихся с локативом в статическом и дативом в динамическом значениях. Таким образом, налицо оппозиция движения и неподвижного состояния – *yürü-* ‘шагать’, ‘двигаться’ vs. *dur-* (рис.1). Несмотря на то, что *dur-* формально не является позиционным глаголом, его рассмотрение в одном ряду с двумя собственно позиционными обусловлено его использованием в сочетании с разнообразными лексическими средствами для обозначения пространственного положения объектов разного рода.

Изменение пространственного положения тела при переходе от вертикальной позиции к полувертикальной и далее к горизонтальной, в которых человек может пребывать продолжительное время, требует специальных глаголов. При этом наличие как динамического, так и статического значений у всех трёх рассматриваемых глаголов обусловлено краткостью переходной стадии – получают наименования только длительные позиции, а предшествующая им динамическая стадия признаётся начальным этапом статической.

При изменении пространственного положения в противоположном направлении – от горизонтального через полувертикальное к вертикальному – сидячая позиция обычно является лишь промежуточной, поэтому для описания всех стадий процесса вставания используется глагол *kalk-*, а исходная точка может указываться лексически через наименование места первоначального пребывания в форме аблатива.

Глаголы *otur-* и *yat-* имеют разную лексическую сочетаемость в статическом и динамическом значениях и в каузативной форме. Несочетаемость этих глаголов с названиями неодушевлённых объектов в статическом значении определяется важностью функционального компонента их семантики. В динамическом значении и каузативной форме функциональный компонент нивелируется, на первый план выходит пространственный компонент, что позволяет использовать глаголы в отношении неодушевлённых объектов.

Глаголы *otur-* и *yat-* имеют вторичные значения (‘отдых’, ‘проживание’, ‘посиделки’ для *otur-* и ‘ночной сон’ для *yat-*), что отмечается и для других языков. Вторичные и переносные значения *otur-* и *yat-* развивались на основе переосмысления как динамического, так и функционального компонентов. Ограничения в лексической

сочетаемости трёх глаголов служат средством выделения человека среди других объектов.

Для описания перехода к нестандартным пространственным положениям человека, а также статичному положению животных предпочтение отдаётся глаголам с динамическим значением в перфектной форме.

В **Главе 4** «Модели времени и восприятие течения времени» рассматриваются лексемы, связанные с описанием циклических процессов в окружающем мире, приводятся схемы исторически сменявших друг друга систем суткоделения и сезонного деления; исследуется использование заимствований со значением «время»; прослеживаются особенности отражения в ТЯ взаимосвязи между пространственными и временными представлениями и высказываются предположения о культурно-языковых особенностях восприятия течения времени.

Время является одним из основных понятий физики и философии и доступно для наблюдения как последовательная смена состояний объектов и явлений в окружающем мире. Благодаря наличию общепринятой системы времяисчисления, базирующейся на данных широко распространённых измерительных приборов, представление о времени упорядочено в сознании каждого члена современного общества. Конкретность и предметно-чувственный характер мышления древних людей, отсутствие в их сознании «сетки временных координат» заставляли находить другие референтные точки, к которым привязывались происходящие события. Время, во-первых, ассоциировалось с преодолением измеримого пространства, вследствие чего в языках обычно присутствуют лексемы, в которых совмещается пространственное и временное значения. Во-вторых, зрительно наблюдаемыми были регулярные повторения явлений в окружающей среде и биологические циклы животных, растений и самого человека, ограниченность срока его жизни и смена поколений. Специфика переживания времени исторически приводила к формированию у разных народов отличных друг от друга представлений о течении времени. Первой моделью времени считается архаическая колебательная, затем циклическая, которая постепенно преобразуется в спиральную, а затем в линейную, что находило языковое отражение. Такого рода модели могли последовательно сменять друг друга или существовать параллельно, в их рамках человек может быть пассивен или активен по отношению к времени, «продвигаться» во времени лицом по направлению движения и против него; «агеном поступательного движения» может выступать человеческий род или отдельный человек. Считается, что абстрагированное от конкретных событий восприятие времени начало складываться не ранее XIII в.

Времена года. В др.-тюрк. выделяется три названия сезонов – *jaz* ‘лето’, *küz* ‘осень’ и *qış* ‘зима’, однако существуют свидетельства, в том числе полученные от нашего информанта, разделения года на два основных периода.

После смены региона проживания, т.е. климатических условий, основного способа производства с кочевого на оседлый, а также культурно-языкового окружения, в ТЯ наряду с основными – *yaz* ‘лето’ и *kış* ‘зима’, закрепились также названия промежуточных сезонов на основе лексических заимствований: *ilk-bahar* (букв. ‘первая весна’) ‘весна’ и *son-bahar* (букв. ‘последняя весна’) ‘осень’.

Изменения в членении года происходят в направлении дробления крупных сезонов на более мелкие. Тюркские названия сезонов, восходящие к древней системе временных представлений, в функции обстоятельства времени используются в форме наречий (*yaz-ın* ‘летом’, *kış-ın* ‘зимой’), а также в основной форме (*yaz kış* ‘зимой и летом’). В противоположность этому заимствованные названия сезонов, а также названия месяцев, отражающие современную систему временных представлений, в функции обстоятельства времени используются в форме локатива (*ilkbahar-da* ‘весной’, *sonbahar-da* ‘осенью’, *ocak-ta* ‘в январе’).

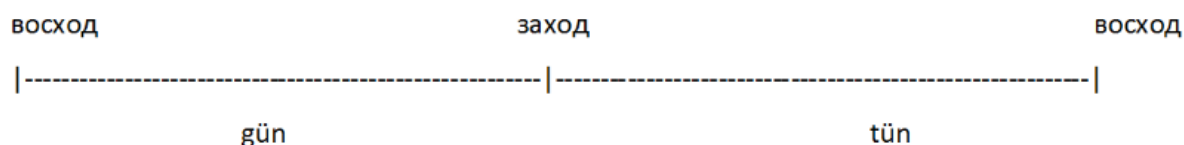
Суткоделение. Наиболее легко наблюдаемым природным циклом является смена дня и ночи. Полдень приобрёл значение на более поздних этапах формирования систем суткоделения. Лексема *kün* исторически имела значения ‘солнце’ и ‘день’. В ТЯ в значении ‘солнце’ закрепились производная лексема *güneş*. Особое значение, исторически передававшееся временному отрезку *gün* ‘день’, находит отражение в современном ТЯ: в функции обстоятельства времени используется специфическое наречие *gün-düz* ‘днём (в светлую часть суток)’; *gün* соотносится со всей освещённой частью суток полностью и составляет оппозицию с *gece* ‘ночь’ как «освещённая – неосвещённая части суток». Параллельно с этим *gece* противопоставляется трём другим частям суток в рамках современной астрономической системы суткоделения: *sabah* ‘утро’ (араб.заимств.) – *öğle* ‘день, полдень’ – *akşam* ‘вечер’ – *gece* ‘ночь’. В отношении современных частей суток в функции обстоятельства времени используются наречия и основная форма: *sabah-leyin* и *sabah* ‘утром’, *öğle-n* ‘днём, в полдень, после полудня’, *akşam-leyin* и *akşam* ‘вечером’, *gece-leyin* и *gece* ‘ночью’. Показатели *-düz* и *-leyin* в ТЯ архаичны.

Значительные изменения в системе суткоделения были обусловлены переходом к исламскому мировосприятию, при котором основу суткоделения составляет пятикратное совершение обязательных намазов в период от восхода до заката солнца, а также некоторых дополнительных намазов. Полночь не задействована в исламском

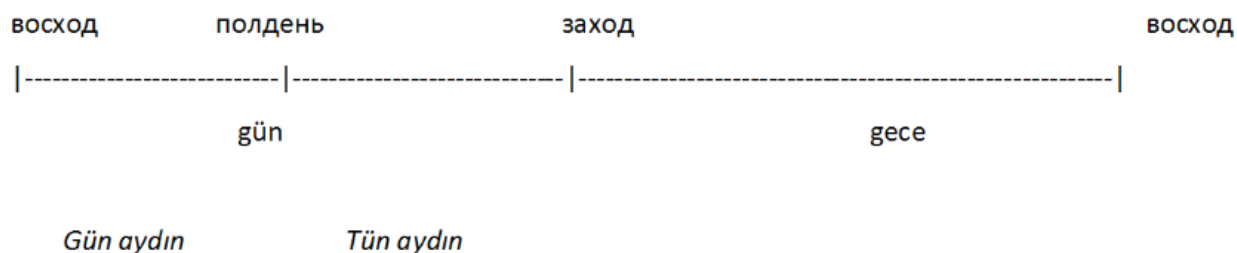
суткоделении и могла использоваться в качестве начальной точки отсчёта времени суток только с переходом к современной инструментальной системе времяизмерения.

ТЯ позволяет проследить исторические изменения в смене трёх систем референциальной соотнесённости суткоделения: др.-тюрк. двухточечной, астрономической трёхточечной и исламской пятиточечной. Наряду с основными частями суток выделяются промежуточные части.

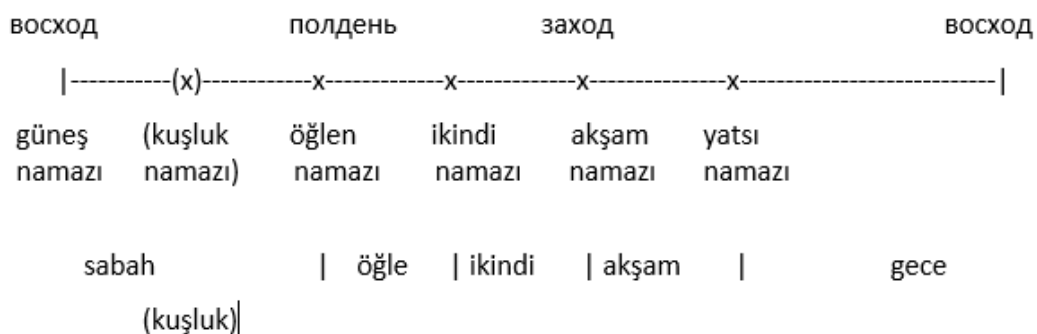
Др.-тюрк. двухточечная система референциальной соотнесённости суткоделения

Астрономическая трёхточечная система референциальной соотнесённости суткоделения

Исламская пятиточечная система референциальной соотнесённости суткоделения

Время совершения каждого намаза является начальной точкой (а не фокусом, как установлено для некоторых языков) соответствующего временного отрезка. Наложение разных референциальных систем отразилось в современных турецких приветствиях по частям суток.

Изменения в суткоделении, аналогично изменениям в сезонном делении года, первоначально происходили в направлении дробления. В настоящее время на фоне того, что указание точного суточного времени стало превалирующим, процесс дробления сменился процессом укрупнения частей суток, что выражается в снижении частотности употребления и постепенной архаизации названий некоторых культурно-специфических промежуточных интервалов (*kuşluk, ikindi*) и специального приветствия для послеобеденного времени *Tün aydın*.

В ТЯ лексемы со значением 'время' – *zaman* и *vakit* – являются арабскими заимствованиями, не синонимичными в языке-источнике. В ТЯ они очень близки по семантике, обычно случаев взаимозаменяемости, а выбор той или другой в большей степени связан с привычной фразеологией. *Zaman* неисчислимо, утвердилось в ТЯ для обозначения времени в его современном понимании, однако по-прежнему не соотносится с указанием точного времени. Использование *vakit* абсолютно необходимо только в отношении религиозных обрядов, указывает на их кратность. Точное суточное время визуализируется в действии часового механизма и выражается только с помощью араб. заимствований *saat* 'час', 'часы', *dakika* 'минута', *saniye* 'секунда'. Несмотря на заимствованный характер всех перечисленных лексем их лексическая сочетаемость и парадигматические отношения отражают специфичные для ТЯ культурно-языковые подходы, в том числе сочетаемость с глаголами *gel-* 'приходить' и *geç-* 'проходить'.

Семантика и сочетаемость ряда лексем, отражающих культурно-специфические временные представления, непосредственно связана со способом выражения пространственных представлений. События прошлого представляются как находящиеся позади (*geri-de kal-* (зад-LOC оставаться) 'позади остаться' и 'остаться в прошлом'), будущие события – как находящиеся впереди (*ileri-de-ki* ('перед-LOC-ADJ') 'расположенный впереди' и 'будущий'; *ön-ümüz-de-ki* ('перед-POSS1PL-LOC-ADJ') 'расположенный перед нами' и 'будущий'). За человеком признаётся способность состязаться со временем: *zaman-la yarış-* (время-с соревноваться). С другой стороны, сами события и явления могут представляться приближающимися к человеку (*gel-ecek yıl* (приходить-FUT год) 'будущий год', *gel-ecek* (приходить-FUT) 'будущее'; *geç-miş* (проходить-PRF) 'прошлое, прошедшее'). Параллельно с этим более ранние по времени события могут характеризоваться как «находящиеся впереди» (*önce* 'раньше, сначала, перед, до' от *ön* 'перед'), а более поздние – как «последующие» (*sonra* 'потом, после, за' от *son* 'конец').

Таким образом, анализ отдельных лексических групп, связанных с восприятием времени, позволяет выделить три стратегии в понимании времени, зафиксированные в ТЯ.

Первая стратегия связана с «ориентированием» во времени на бытовом уровне, когда важно не общее представление о течении времени, а временная соотнесённость повседневных занятий, характерных для разных циклических отрезков времени, т.е. время представляется как последовательность повторяющихся однотипных событий. Первоначально таковыми были сезоны, сутки и части суток, легко наблюдаемые и важные с точки зрения хозяйственной деятельности. Для выделения более мелких частей суток необходимо было инструментальное определение.

Переход от двухчастного к многочастному делению года и суток был связан с изменениями в способе хозяйственной деятельности и утверждением новых религиозных верований. После изобретения простых в использовании часов постепенно значение стало приобретать почасовое, позже – поминутное измерение, а секунды до настоящего времени не имеют значения на бытовом уровне. Под влиянием современных представлений о времени и роста значения точного времени в повседневной жизни процесс дробления суток обратился вспять – названия отдельных мелких частей суток архаизируются, а связанные с ними культурные представления постепенно утрачиваются.

Языковой способ указания на соотнесённость события с определённым временным периодом исторически менялся в соответствии с изменением модели времени. Наиболее древние названия временных периодов используются с этой целью в форме обстоятельства времени или в основной форме, а названия периодов, соответствующих более поздним временным представлениям – в форме локатива.

Вторую – антропоцентрическую – стратегию времени можно также назвать «мировозренческой», так как её возникновение было непосредственно связано с образом жизни и способом хозяйственной деятельности сообщества. Если деление суток на тёмную и светлую часть, а года на сезоны важно для всех культур вследствие объективности циклических изменений в окружающей среде, то специфические особенности хозяйственной деятельности сообщества определяют взгляд представителей конкретной культуры на эту среду. Это же относится и к восприятию «направления течения» времени. В случае кочевого животноводства, когда способ производства предполагает перемещение человека на значительные расстояния, человек ощущает себя частью этого «потока времени» и даже соревнуется с ним в скорости, а движение в направлении к будущему визуализируется в пространственном

перемещении вперёд, при этом все объекты представляются двигающимися навстречу. Взгляд «человека двигающегося» направлен только вперёд, а время, «оставшееся позади», остаётся вне его поля зрения. В рамках этой же стратегии объекты, которые последовательно достигает человек при движении вперёд, представляются постепенно приближающимися к нему.

Третья стратегия представляет течение времени как абсолютный процесс, не связанный с человеком, в рамках которого более ранние события характеризуются как передние, а более поздние – как направленные к концу.

В Заключении охарактеризована специфика выражения пространственных и временных отношений в ТЯ.

Комплексная методология, разработанная и опробованная на турецком языковом материале и основанная на диахроническом и синхроническом анализе с учётом культурной специфики, позволила уточнить семантику отдельных лексем с пространственным и временным значением, а также выявить общие особенности групп лексем, важные как с точки зрения лексикологии ТЯ, так и для типологических исследований. Использование предложенной методики в первую очередь в отношении тюркских языков, а возможно, и языков других групп, позволит уточнить направления дальнейших исследований, дополнить ранее полученные теоретические данные и совершенствовать методы преподавания.

Семантические особенности рассмотренных турецких лексем с пространственным и временным значением позволяют выделить важные системные компоненты, которые наиболее отчётливо просматриваются при анализе, проводимом в рамках отдельных лексических групп.

В семантике турецких лексем, используемых для пространственной ориентации, обнаруживается чёткая система членения окружающего физического пространства, особенностями которой являются:

- разделение прилегающей к ориентиру и отдалённой частей окружающего пространства путём использования разных групп тюркских лексем:

	Прилегающая часть окружающего пространства	Отдалённая часть окружающего пространства
Горизонтальное направление	<i>yan-</i> ‘боковая сторона’, <i>sol-</i> ‘лево’, <i>sağ-</i> ‘право’, <i>ön-</i> ‘перед’, <i>arka-</i> ‘зад’	<i>yön-</i> ‘сторона, направление’, <i>öte-</i> ‘отдалённая часть пространства’, <i>ileri-</i> ‘вперёд’, <i>geri-</i> ‘назад’
Вертикальное направление	<i>alt-</i> ‘низ’, <i>üst-</i> ‘верх’, <i>üzeri-</i> ‘верх’	<i>aşağı-</i> ‘вниз’, <i>yukarı-</i> ‘вверх’

- лексическая система указания пространственного положения или направления пространственного перемещения объекта относительно ориентира более детально разработана для горизонтального направления как наиболее важного с точки зрения коммуникации, традиционной хозяйственной деятельности и направлений перемещения традиционными способами;
- «присваивание» ориентиром прилежащей части окружающего пространства происходит за счёт использования единой лексемы в отношении соответствующей части самого ориентира, его поверхности и прилегающей к нему зоны с той же стороны (*yan-* ‘бок’, *sol-* ‘лево’, *sağ-* ‘право’, *ön-* ‘перед’, *arka-* ‘зад’, *üst-* ‘верх’, *alt-* ‘низ’);
- «неотторжимость» от ориентира непосредственно прилегающей к нему сбоку части пространства, обозначаемой лексемой *yan-* ‘боковая сторона’;
- в дейктической ситуации – выделение с помощью указательного местоимения *bu* ‘этот’ «личного пространства» человека, которое расположено в поле зрения, т.е. впереди и сбоку от него, на расстояние примерно вытянутой руки;
- в дейктической ситуации – способность говорящего в зависимости от «параметров текущей ситуации» указывать не только на пространственную близость / отдалённость, но и на психологическое отношение (притяжение / неприятие) к объектам путём выбора одного из указательных местоимений *bu* ‘этот’, *şu* ‘этот/тот’, *o* ‘этот’.

Антропоцентричность проявляется:

- в использовании для характеристики положения или направления перемещения объектов в непосредственно окружающей ориентир части пространства названий частей тела человека (*yan-* ‘бок’, *sol-* ‘лево’, *sağ-* ‘право’, *ön-* ‘перед’, *arka-* ‘зад’);
- в приоритетности автоориентированных (как уподобляемых человеку) ориентиров и обязательности точного (строго: *перед*, *за*, *справа от*, *слева от*) указания относительного положения или направления пространственного перемещения объектов;
- в условиях использования глагола *gel-* ‘приходить, приезжать’, который указывает не только на осуществление пространственного перемещения в направлении к говорящему или в одном направлении с ним, но и на сознательный характер выполняемого перемещения, что является человеческим качеством, или же на присутствие человека в качестве реципиента действия;

- в сочетаемости глаголов пространственного положения *otur-* ‘сидеть’ и *yat-* ‘лежать’ в статическом значении только с лексемами, именующими человека или «очеловечиваемые» объекты.

Особая роль динамичности и направленности перемещения проявляется

- во вторичных значениях прилагательных *ileri* ‘вперёд’ → ‘передовой, прогрессивный’, *geri* ‘назад’ → ‘отсталый’ и глаголов *iler-le-* ‘двигаться вперёд’ → ‘развиваться, прогрессировать’, *geri-le-* ‘отступать назад’ → ‘регрессировать’, содержащих позитивную оценку перемещения вперёд и негативную оценку отсутствия перемещения вперёд и движения назад;
- в присутствии в ряде лексем, обозначающих расположение или направление пространственного перемещения объекта в удалённой от ориентира зоне во фронтальном и вертикальном направлениях, древнего грамматического показателя направленности, придающего им значение динамичности: *ile+ri-* ‘вперёд’, *ge+ri-* ‘назад’, *yuka+ri-* ‘вверх’, *aşağ+ı-* ‘вниз’;
- в возможности указания с помощью показателя множественности на неопределённость положения или направления перемещения объектов, находящихся или совершающих перемещение во фронтальном и вертикальном направлениях относительно ориентира: *ileri-ler-* (вперёд-PL) → ‘где-то впереди’, *geri-ler-* (назад-PL) → ‘где-то позади’, *yukari-lar-* (вверх-PL) → ‘где-то вверху’, *aşağı-lar-* (вниз-PL) → ‘где-то внизу’, *ön-ler-* (перед-PL) → ‘где-то впереди’, *arka-lar-* (зад-PL) → ‘где-то позади’;
- в первостепенности указания на направление перемещения (с помощью глаголов направления перемещения) и второстепенности указания на способ перемещения (с использованием глаголов способа перемещения в форме деепричастий или другими лексическими способами) при описании пространственного перемещения в горизонтальной плоскости;
- в сочетаемости глагола *dur-* ‘останавливаться, находиться в неподвижном положении’ с названиями объектов, способных самостоятельно или принудительно совершать пространственное перемещение;
- в использовании динамических глаголов для характеристики местоположения протяжённых географических объектов с внутренним движением (реки, дороги);

- в предпочтительности описания статического положения подвижных объектов (человека, животных, транспортных средств) через использование глаголов с динамическим значением в перфектной форме,
- в наличии, наряду с представлением о времени как о двигающемся навстречу человеку и через человека (*gel-* ‘приходить, приезжать’, *geç-* ‘проходить, проезжать’), также и представления об активной позиции человека по отношению к времени (*zamanla yarış-* букв. ‘состязаться со временем’ и др.);
- в использовании глагола *git-* ‘идти, ехать; уходить, уезжать’ для описания только направленного перемещения.

Особая роль направленности перемещения проявляется также в охарактеризованной в Приложении 1 оценке прямолинейного движения как правильного (*düz* ‘прямо’, ‘правильно’, *doğru* ‘прямо’, ‘правильно’, ‘по направлению к’) и отрицательной коннотации *eğri* ‘криво’.

Геоцентричность как особое значение горизонтального направления и земной поверхности в жизнедеятельности человека проявляется:

- в наличии большего разнообразия и большего количества лексем, предназначенных для ориентации в горизонтальном направлении (*yan* ‘бок’, *sol* ‘лево’, *sağ* ‘право’, *ön* ‘перед’, *arka* ‘зад’, *yön* ‘сторона, направление’, *ileri* ‘вперёд’, *geri* ‘назад’), чем в вертикальном (*üst* \approx *üzeri* ‘верх’, *alt* ‘низ’, *aşağı* ‘низ’, *yukarı* ‘верх’);
- в использовании глаголов *git-* ‘идти, ехать’, ‘уходить, уезжать’, *ilerle-* ‘продвигаться вперёд’, *gerile-* ‘отступать назад’ только в отношении пространственного перемещения в горизонтальной плоскости.

Особое значение горизонтального направления является следствием представления о *yer* ‘место’, ‘земля’ как о твёрдом основании, предназначенном для проживания человека, охарактеризованном в Приложении 1. Оно выражается:

- в наличии определения *yüksek* ‘высокий’, применимого только к вертикальным размерам объектов, измеримых от поверхности земли;
- в использовании определений *uzak* ‘далёкий’, *ileri* ‘находящийся впереди’, *geri* ‘находящийся позади’ только для характеристики расстояний в горизонтальном направлении.

Вторичность перемещения в вертикальном направлении (кроме естественных летающих объектов – птиц и насекомых) выражается

- в активном использовании и развитии лексической сочетаемости глаголов направления перемещения – *çık-* ‘выходить наружу’, ‘подниматься вверх’, *in-* ‘опускаться вниз’, а также глагола *kalk-* ‘вставать’ → ‘подниматься вверх’;
- в несформированности правил лексической сочетаемости глаголов перемещения в вертикальном направлении,
- в наличии сложной системы парадигматических связей между глаголами перемещения в вертикальном направлении.

Особенность способа пространственного перемещения птиц и насекомых выражается в использовании в отношении них глагола *uç-* ‘летать’ вне зависимости от направления и стадии полёта, а также наличии специального глагола *kon-* ‘садиться’, обозначающего их переход от динамического состояния к статическому.

Взаимосвязь между пространственными и временными представлениями проявляется в совпадении способов их выражения:

- параллельном использовании в отношении как пространственных, так и временных представлений ряда лексем (*kısa* ‘короткий’, *uzun* ‘длинный’, *yetiş-* ‘успевать’, ‘дотягиваться’, *uzat-* ‘продлевать’, ‘протягивать’, *boyunca* ‘вдоль’, ‘на протяжении’, *önce* ‘перед’, *sonar* ‘после’ и др.) и выражений (*iki saatlik yol* ‘путь длиной в два часа’ и др.),
- в искусственном создании лексем с временным значением на основе тюркских корней с пространственным значением (*dön-* ‘поворачивать(ся)’ → *dönem* ‘период’, *sür-* ‘тащить, тянуть’ → *süre* ‘период, срок’).

Взаимосвязь между пространственными и временными представлениями отмечается и для других языков, однако в ТЯ отразилась и противоположная тенденция, выражающаяся в использовании показателя локатива для привязки события или явления к названиям тех периодов, которые отражают не древнюю (циклическую), а современную (линейную) систему сезонodelения и времяисчисления, что может свидетельствовать об исторически существовавших различиях между пространственными представлениями с одной стороны и древними временными представлениями с другой.

Общие тенденции в развитии лексического состава ТЯ можно охарактеризовать следующим образом.

Основными составляющими лексической системы современного ТЯ являются

- исконные тюркские лексемы,
- искусственно создаваемые на основе тюркских корней и морфологических показателей неологизмы,
- заимствования из арабского и персидского языков, отражающие изменения в культурной парадигме после принятия тюрками ислама,
- заимствования и кальки слов и выражений из западных языков, главным образом французского и английского.

В семантике присутствующих в современном ТЯ древних тюркских лексем с пространственным значением в сравнении с семантикой более поздних заимствований и искусственно созданных лексем в ряде случаев можно проследить разные стадии развития представлений об окружающем пространстве и течении времени:

- тюркские лексемы с пространственным значением *yan-* ‘боковая сторона’, *sol-* ‘лево’, *sağ-* ‘право’, *ön-* ‘перед’, *arka-* ‘зад’, *alt-* ‘низ’, *üst-* ‘верх’, *üzeri-* ‘верх’ носят конкретный характер, соотносясь лишь с одной из сторон ориентира; в противоположность им арабское заимствование *taraf* ‘сторона’ указывает на любую из таких сторон, представляя собой более высокий уровень абстрагирования;
- в важной для мировидения турков оппозиции покоя и движения, выражаемой турецкими глаголами *dur-* ‘останавливаться, находиться в неподвижном положении’ и *yürü-* ‘шагать’, ‘перемещаться’, первичным значением последнего является пешее пространственное перемещение; глагол *hareket et-* ‘двигаться’, в основе которого лежит арабское заимствование, также антонимичен *dur-* ‘останавливаться, находиться в неподвижном положении’ в современном ТЯ, но их оппозиция выражает более высокий уровень абстрагирования, когда состоянию покоя противопоставляется не один из видов пространственного перемещения, а любое движение;
- древняя двухчастная система сутко- и сезонного деления естественным образом переформатировалась в современную четырёхчастную за счёт включения тюркских лексем и заимствований в ходе исторических изменений в хозяйственной деятельности и верованиях;
- арабское заимствование *zaman* ‘время’ адаптировалось к языковым способам выражения наивных временных представлений, отражёнными в ТЯ (сочетаемость с глаголами *gel-* ‘приходить’, *geç-* ‘проходить’ и др.), а позже стало использоваться для выражения современных представлений о времени как о форме существования материи;

- арабское заимствование *waqt* → *vakit* ‘время, период’, в арабском не синонимичное *zaman* и соотносящееся не с течением времени, а с повторяющимися временными периодами, в ТЯ в значительной степени утратило свою семантику, став квазисинонимом *zaman*; это обусловило необходимость создания лексем на основе тюркских корней (*dönem* ‘период’, *süre* ‘период, срок’) для обозначения повторяющихся временных периодов;
- только заимствования *saat* ‘час’, *dakika* ‘минута’ (но не *zaman*, *vakit*) соотносятся с астрономическим суточным временем как современным способом времяизмерения.

Семантика турецких лексем продолжает развиваться для отражения новых физических, общественных и научных явлений:

- происходит расширение семантики и сочетаемости отдельных глаголов (*yürü-* ‘шагать’, ‘двигаться’ → ‘направляться к чему-л.’, *kalk-* ‘отправляться’ (об общественном транспорте) → ‘стартовать’);
- изменяются распространённые речевые конструкции выражения астрономического суточного времени;
- претерпевает частичное изменение система наименования способов посадки в современные транспортные средства.

Некоторые важные и непосредственно взаимосвязанные с вышеизложенными выводы, касающиеся пространственных и временных представлений, можно сделать исходя из анализа семантики лексем, рассмотренных в Приложениях 1 и 2:

- значения, выражавшиеся древней лексемой *gün* ‘день; солнце’, соотносившейся с солнцем, освещённой частью суток и совокупностью естественных атмосферных явлений, наблюдаемых в окружающем пространстве, в ТЯ разделились и выражаются тремя отдельными лексемами – *güneş* ‘солнце’, *gün* ‘день’ и *hava* ‘погода как состояние окружающей среды’, последняя из которых является арабо-персидским заимствованием; при этом лексема *hava* в ТЯ значительно изменила своё первичное значение по сравнению с исконным арабским под влиянием особенностей восприятия окружающей среды, свойственного тюркам на раннем этапе формирования их культуры (см. Приложение 1);
- с изменением культурно-языковой парадигмы и контактных культур древнее *el* ‘чужой’ потеряло свою соотнесённость с «чужими»; в значениях ‘чужой’ и ‘иностранец, иностранец’ начало использоваться *yabancı* (см. Приложение 2);

- в ряде случаев семантика арабо-персидских заимствований претерпела в ТЯ существенные изменения в ходе адаптации к важным с культурной точки зрения наивным представлениям о человеке и окружающей среде, свойственным тюркам на раннем этапе формирования их культуры (*can* ‘жизненная сила’, *hava* ‘погода как состояние окружающей среды’, *semre* ‘уголь, жар’, ‘жара, тепло’) (см. Приложение 1);
- лексема *türk* ‘тюркский, турецкий’ в ТЯ приобрела значения, обусловленные особенностями проводимой в Турции внутренней и внешней политики (см. Приложение 2);
- в связи с продолжающейся тенденцией очищения ТЯ от заимствований на фоне потребности в номинации новых технических, общественных и научных реалий, на современном этапе прямые заимствования из западных языков, в первую очередь английского, заменяются кальками. Этот процесс часто происходит с нарушением семантики используемых при калькировании турецких лексем (например, *yer* ‘место’, ‘земля’ → ‘Земля’, ‘почва’) (см. Приложение 1).

Наличие отражённой в современном ТЯ

- детализированной,
 - антропоцентрической,
 - выделяющей землю как место жизнедеятельности человека,
 - выделяющей ближнюю к ориентиру и удалённую зоны,
 - выделяющей направленное перемещение,
 - содержащей указания как на сходства, так и на различия в пространственных и временных представлениях системы
- представляется правильным связать с исторической особенностью основного способа производства и связанной с ним тюркской культуры – кочевым животноводством. Последующее развитие пространственных и временных представлений можно проследить в развитии семантики лексем с пространственным и временным значением.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых научных журналах ВАК

1. Напольнова Е.М. Языковые средства включения окружающих в личную сферу говорящего в турецком языке // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2021. – № 1(110). – С. 70-77.

2. Напольнова Е.М. Отражение идентичности в лексике турецкого языка // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2020. – № 1. – С. 50-67.
3. Напольнова Е.М. Слова с основным значением "ветер" в турецком языке // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2020. – № 3 (108). – С. 76-83.
4. Напольнова Е.М. Способы выражения семантического признака пола у существительных в турецком языке // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 162. – № 5. – С. 118-134.
5. Напольнова Е.М. Анализ семантики лексемы *hava* в турецком языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2020. – Т. 12. – № 2. – С. 194-207.
6. Напольнова Е.М. Анализ семантики турецкой лексемы *yer* // Урало-алтайские исследования. – 2020. – № 1 (36). – С. 82-91.
7. Напольнова Е.М. Глаголы позиции в русском языке и их преподавание в турецкой аудитории // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 5 (276). – С. 92-98.
8. Напольнова Е.М. Отражение особенностей структуризации окружающего пространства в падежных системах и синтаксисе (на материале турецкого и русского языков) // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 2 (261). – С. 86-90.
9. Напольнова Е.М. Позиционные глаголы в турецком языке: глагол горизонтальной позиции *yat-* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2017. – Т. 9. – № 3. – С. 233-245.
10. Напольнова Е.М. Глаголы перемещения в современном турецком языке (вертикальное направление) // Урало-алтайские исследования. – 2017. – № 1 (24). – С. 34-47.
11. Напольнова Е.М. Глаголы перемещения в современном турецком языке (способ перемещения) // Урало-алтайские исследования. – 2017. – № 4 (27). – С. 77-91.
12. Напольнова Е.М. Современная турецкая терминология семьи и родства // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 63-72.
13. Напольнова Е.М. Система обращений в современном турецком языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2015. – № 4. – С. 5-13.
14. Напольнова Е.М. Глаголы перемещения в современном турецком языке (*gel-*, *git-*, *geç-*) // Урало-алтайские исследования. – 2015. – № 3 (18). – С. 75-87.
15. Напольнова Е.М. Указательные местоимения в турецком языке // Урало-алтайские исследования. – 2014. – № 1 (12). – С. 67-74.

16. Напольнова Е.М. Квалификация состояния покоя в турецкой языковой картине мира // Вестник РГГУ. – 2011. – № 11 (73). – С. 271-283.
17. Напольнова Е.М. Пространственная направленность в турецкой языковой картине мира // Урало-алтайские исследования. – 2010. – № 1 (2). – С. 23-31.
18. Напольнова Е.М. Циклические природные явления в турецкой языковой картине мира // Урало-алтайские исследования. – 2010. – № 2 (3). – С. 47-52.

Прочие публикации

19. Напольнова Е.М. Языковые средства включения окружающих в личную сферу говорящего в русском и турецком языках (тезисы) // Программа и тезисы XXVIII Международной научной конференции "Дмитриевские чтения". 2 октября 2020. – М. 2020. – С. 38-39.
20. Напольнова Е.М. Категория одушевленности-неодушевленности и личности-неличности в турецком языке // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Вып. XIII. – М.: МБА, 2020. – С. 171-178.
21. Напольнова Е.М. О некоторых явлениях вторичной номинации в современном турецком языке // Sözümler Munda Qalır, Barır Bu Özümler. Scripta in memoriam D.M. Nasilov / А. С. Аврутина, Ш. Х. Акалын, О. А. Алексеева et al. – М.: МБА, 2019. – С. 210-220.
22. Напольнова Е.М. Отглагольное имя на -(y)ış и развитие семантики турецких глаголов // Вопросы тюркской филологии. Вып. XII. Материалы Дмитриевских чтений, посвященных памяти Дмитрия Михайловича Насилова. – М.: Изд-во МГУ, 2018. – С. 79-94.
23. Напольнова Е.М. Позиционные глаголы в турецком языке: глагол сидения *otur-* // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып.9. – 2017. Режим доступа: http://iling-ran.ru/main/publications/for_lang.
24. Напольнова Е.М. Глагол *dur-* и другие средства выражения состояния неподвижности в современном турецком языке // Российская тюркология. – 2017. – № 1-2 (16-17). – С. 86-99.
25. Напольнова Е.М. Коннотации и вторичные значения названий животных в русском и турецком языках // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Вып. XI. Институт стран Азии и Африки. – М.: МБА. – 2016. – С. 157-167.
26. Напольнова Е.М. Языковые инструменты идентификации человека и животных // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. – М.: Тезаурус. – 2016. – С. 151-152.

27. Napolnova E. Ethnic linguistic worldviews: “the devil is in the detail” // CLEaR2014: Conference Proceedings, Nitra: SlovakEdu, 2015, pp.40-49. Режим доступа: <http://www.jolace.com/publications/clear2014-conference-proceedings/a03/> – на английском языке
28. Напольнова Е.М. Временные представления в рамках турецкой языковой картины мира // Российская тюркология. – 2012. – № 1 (6). – С. 23-34.
29. Напольнова Е.М. Традиционные русские культурные реалии в турецкой аудитории // Материалы научно-практической конференции «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии», Казанский (Приволжский) федеральный университет, 27-30.06.2012. – Казань. – 2012. – С. 38-40.
30. Напольнова Е.М. Русские глаголы движения в турецкой аудитории // Вестник ЦМО МГУ. – 2012. – №.3. – С. 41-44.
31. Напольнова Е.М. Два методических приёма преподавания способов выражения пространственных отношений в русском языке // Русский язык во времени и в пространстве. XII Международный конгресс МАПРЯЛ. – Т.П. – Шанхай. – 2011. – С. 688-692.
32. Напольнова Е.М. Животные в русской и турецкой языковых картинах мира // Русский мир и русское слово в межкультурном пространстве. Материалы конференции. Стамбул, Фатих Университет. – 2011. – С. 432-437.
33. Напольнова Е.М. «Критерий подвижности» как следствие антропоморфического характера языковой картины мира (на материале турецкого языка) // Язык как система и деятельность. Материалы Всероссийской научной конференции. – Елец. – 2011. – С. 549-556.
34. Напольнова Е.М. Учёт специфики национальной языковой картины мира при преподавании русского языка // Преподавание языков в высших учебных заведениях на современном этапе. Межпредметные связи. Научные исследования. Опыт. Поиски. – Сб. науч. трудов. Вып. 18. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина. – 2011. – С. 155-162.
35. Напольнова Е.М. Языковая модель мира // Российская тюркология. – 2010. – № 2 (3). – С. 73-80.
36. Napolnova E. Rus Halk Masallarındaki Hayvan Kahramanlarının Dilsel Dünya Görüşündeki Rolü (Место животных-героев русских народных сказок в языковой картине мира) // International Congress of Comparative Literature and The Teaching of Literature and Language 2009, Congress proceedings. P.511-514. – на турецком языке

37. Napolnova E. Türkçede Cinsiyet İfadeleri (Выражение пола в турецком языке) // VI. Uluslararası Türk Dil Kurultayı Bildirileri (20-25 Ekim 2008), III. Türk Dil Kurumu Yay., Ankara. P. 3259-3266. – на турецком языке.

Монография

Napolnova E. Rusça ve Türkçe: İki Dil, İki Kültür (Русский и турецкий: два языка, две культуры). İstanbul: Multilingual. 2009. – на турецком языке.